МРНТИ 17.09.91

КЛИМ САМГИН – ЗЛОВЕЩИЙ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП, РОЖДЕННЫЙ ЭПОХОЙ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТРЯСЕНИЙ

Г.А. Орынханова[1]
[1]к.ф.н., и.о.ассоц.профессора
Казахский государственный женский педагогический университет,
Казахстан, Алматы, gibadat_o@mail.ru

В статье рассматривается замысел романа «Жизнь Клима Самгина». Автор пытается найти ответ на вопрос: как Клим Самгин приспосабливается к Истории? Также рассматривается зеркальность как принцип построения образа героя и как стратегия его поведения. Автор также стремится подчеркнуть вклад М. Горького в художественную культуру.

Ключевые слова*: образ, характер, конфликт, замысел, человек, личность*

Замысел романа «Жизнь Клима Самгина» у Горького вызревал с 1900-х годов. Тогда писатель набросал план романа «Жизнь господина Платона Ильича Пенкина». Автор так характеризовал центральную фигуру задуманного произведения: «Герой интеллигент-разночинец средних способностей. Происхождение, воспитание внушает ему высокое мнение о силе и оригинальности своего интеллекта и, совершенно скрывая его дилетантство, развивает в нем честолюбивое желание быть чем-то в жизни». Горький планировал выставить несоответствие сил этого человека с его желаниями. Еще в плане написано: «Радикальство – народничество – оппортунизм – консерваторство – декадентство. Полный моральный крах. Сознание. Раскаяние. Смерть».

В 1911 году Горький набрасывает «Записки доктора Ряхина» – об эгоцентрике, не способном к духовному самоопределению. В том же 1911 году – замысел произведения, которое должно было быть названо «Дневник никудышника». В 1915 году – незавершенная повесть «Все то же», где у героя происходят странные раздвоения личности. Фамилия героя – Самгин. В 1919 году Горький, возмущенный, как ему казалось тогда, непристойным поведением той части русской интеллигенции, которая не приняла революцию и всяческий обличала новый режим, грозился: «Вот напишу про них и озаглавлю так: «Человек, который сам себя выдумал»» [1, 41-75].

И действительно, с середины 20-х годов и вплоть до конца своих дней Горький работал над романом о «человеке, который сам себя выдумал». Писатель не сразу нашел название своему произведению, колебался между двумя вариантами: «История пустой души» или «Сорок лет». Фактически за этими двумя вариантами названия стоят два аспекта темы. Первый аспект – это история пустой души, проходящей неизбежный путь к смерти, в этом типе личности должна была быть, по замыслу автора, предельно обобщена судьба буржуазного человека. А второй аспект – это летопись общественной жизни предреволюционной России с 1880-х годов и вплоть до 1917 года. В процессе работы писатель придает все большее и большее значение второму аспекту. Почему? Потому что Горький, которому очень дороги были реалистические принципы, всегда стремился показать своего героя в теснейших взаимосвязях с обстоятельствами».

Охарактеризуем проблему «характер и обстоятельства» в романе.

Прочитаем фрагменты из части 1, главы 1, начиная с абзаца –

Первые годы жизни Клима совпали с годами отчаянной борьбы за свободу и культуру той части людей, которые мужественно и беззаветно поставили себя между «молотом и наковальней», между правительством бездарного потомка талантливой немецкой принцессы и безграмотным народом, отупевшим в рабстве крепостного права…, и далее до строк – «… *путь непротивления злу насилием*».

Этот фрагмент важен тем, что здесь звучит прямое слово эпического повествователя. Во-первых, он задает масштаб видения мира, в котором будет представлена жизнь центрального персонажа романа. Во-вторых, он сразу же выделяет главную конфликтную линию романа – спор о герое, о том способен ли человек активно воздействовать на историю, творить ее. И наконец, в-третьих, он задает эмоциональный камертон всего дальнейшего повествования – в его, проникнутом

тревогой и горькой иронией, звучит пафос взыскательности к человеку. Это именно камертон, ибо в дальнейшем повествователь уже никогда не будет выступать с прямым словом, единственный субъект сознания в романе – Клим Самгин, «человек, который сам себя выдумал». Объективная действительность (бытовая, социальная, историческая) будет открываться через его субъективную «оптику», его эмоциональные рефлексы будут окрашивать мир. Но тот камертон, который был задан в прямом слове повествователя, остается в эмоциональном поле романа.

Именно диалогические отношения между «тоном героя» и «тоном повествователя» есть стилевая доминанта романа, субстрат его пафоса.

В романе запечатлены знаменательные для истории России события гуляния на Ходынке: Нижегородская выставка 1896-го года, кровавое воскресенье 9-го января 1905 года, похороны Баумана, баррикады в декабре 1905-го года в Москве, шествия черносотенцев, вокзалы с воинскими эшелонами, отправляющимися на фронт, и, наконец, народные толпы у Таврического дворца в феврале 17-го года. В романе есть малые, но очень существенные, по-своему «знаковые», *исторические площадки:* это квартира Пятницкого с прячущимся там Гапоном, салон Леонида Андреева, Петербург, Москва, купеческие города Поволжья, русская провинция, Берлин, Париж, Женева.

Такая панорама создает ощущение той всеохватности видения, которую Гоголь когда-то называл «иллюзией всемирности».

Но главное – это панорама духовной жизни России с 1880-х годов до революции 1917 года. Все (или почти все) социальные, философские, политические, эстетические идеи этого сорокалетия там так или иначе преломлены в «пневматосфере» романа: распад народничества, зарождение декадентства, появление легального марксизма, распространение идей буржуазного гегемонизма, зарождение богоискательства, религиозное сектантство… Тем самым Горький осуществляет свой замысел: «Я должен изобразить все классы, «течения», «направления», всю адову суматоху конца века и бури начала XXI» [2, 47].

А в центре этой «адовой суматохи» переломной суматохи» переломной эпохи в жизни России оказывается персонаж, совершенно неожиданный для монументального исторического полотна. «Мне хотелось изобразить в лице Самгина такого интеллигента средней стоимости, который проходит сквозь целый ряд настроений, ища для себя наиболее независимого места в жизни, где бы ему было удобно и материально, и внутренно» [3, 67], – впоследствии объяснял Горький.

Проанализируем образ Клима Самгина, отношения этого героя со своим временем.

Как же человек «средней стоимости», иначе говоря – посредственность, ищет для себя место в немыслимо бурной исторической действительности, как он благо-устраивается в ней?

Автор прослеживает весь жизненный путь героя, начиная с момента его рождения и вплоть до смерти. Остановимся на основных вехах этого пути. Уже сама процедура выбора имени новорожденному младенцу обретает какой-то иронический смысл. Сначала отец новорожденного Иван Акимович Самгин, который «любил оригинальное», ищет для новорожденного «какое-нибудь редкое имя».

> *«…Надоели эта бесчисленные Иваны. Василии. А?» – стал убеждать он жену. – »…Самсон! Самсон Самгин, – вот! Это неплохо! Имя библейского героя. А фамилия – фамилия у меня своеобразная – Сам-гин»… «Да, Самсон! Народ нуждается в героях…»* [1, 9]..

Но после всех раздумий он делает совсем другой выбор:

Верочка, в последнюю минуту я решил назвать его Климом. Клим – просто народное имя, ***ни к чему не обязывает****»* [1, 10].

Вместо Самсона, от которого время может потребует геройства, оказался Клим – «ни к чему не обязывает». Так уже подобрано имя, которое несет в себе зародыш характера героя – человека, который не хочет быть ни перед кем обязанным, который хочет просуществовать сам по себе.

Как же прожить в истории, не зацепившись за нее? Как просуществовать в бурное время, не испытав на себе удары волн эпохи? Как во время революций, смут, волнений сохранить себя? И не только сохранить себя, но и выделиться из общей массы, самоутвердиться, обрести вес в обществе, заслужить уважение и почет?

Способ самоутверждения, который избирает человек «средней стоимости», Горький в письме к Роллану назвал «самонадувательством».

«Самонадувательство» – это целый процесс, у него есть свои вехи. Сначала Клима убеждают, что он «не тот, каков есть» [4, 23]. Его даже подстригают по-особому: «Клим, остриженный в кружок под мужика». Не случайно дедушка Аким, старый народоволец (его называют «Настоящий старик» – он один из подлинных, не придумывающих себя людей) говорит: «Вы все портите ребенка, выдумываете его». А мальчика уже начинают «показывать».

Вспомним эпизод, когда Клим, ряженый «под мужика», читает перед взрослыми стихотворение Некрасова: «Ты проснешься, исполненный сил…» [1, 15]. Автор обнажает сплошную фальшивость происходящего. Клим понимает, что и отцу, и Варавке интереснее играть в преферанс, чем слушать Некрасова. Само же чтение становится вымученной, ненатуральной декламацией: «Клим протягивал правую руку в воздухе, левой держался за пояс штанов и читал, нахмурясь…». Но Клим понимает, что читать нужно, чтобы «заставить взрослых еще раз обратить внимание на него». Примечательно, что атмосфера возникает в связи со стихотворением, которое уже давно стало манифестом русских демократов. Совершенно ясно, что для Самгиных и их гостей страдание к народу уже превратилось в формальный ритуал, в жест. Однако любовь к народу Клим сочтет необходимым имитировать на долгие годы.

Далее Клим начинает уже сам находить способы обратить на себя внимание окружающих, заслужить их похвалу:

> Бабушку никто не любил. Клим, видя это, догадался, что он неплохо сделает, показывая, что только он любил одинокую старуху [1, 14].

Поступив в гимназию, Клим «обременил свой острый нос под тяжестью двух стекол дымчатого цвета», его называют «совеночком». Ходит по коридором гимназии не так, как другие мальчики, а заложивши руки за спину, солидно, «докторально». Так Клим лепит свой образ, сегодня бы сказали – «создает свой имидж».

И усилия Самгина не пропадают даром – окружающие начинают думать, что он и в самом деле какой-то необыкновенный, он приобретает репутацию «мальчика исключительных способностей». Но «положение человека, обязанного быть таким, каким его хотят видеть», требует от Клима немалых усилий – ведь он и режиссер, и актер, и рецензент каждого своего слова и жеста. В одном случае он похвалит себя («Как просто сказал я! И, наверное, хорошее лицо было у меня»), в другом – как требовательный режиссер, сделает замечание себе (Когда его прямо спросили: «Ты большевик? – Конечно, нет, – ответил Клим, и *тотчас же подумал, что слишком торопливо ответил»).* Такой постоянный самоконтроль, вечное опасение проговориться, «необходимость держать себя, как солдат на параде», изнуряюще действует на душу. И в ней образуются первые червоточины: он испытывать чувство зависти к тем, кто сообразительнее, расторопнее, энергичнее. И, соответственно, – начинает испытывать радость, когда те, кто лучше его, по тем или иным причинам терпят поражение, проходят через унижение. Клим это называет «стереть позолоту». Достаточно привести пример, когда Клим подает Борису Варавке жука со словами: «Насекомое», – тем самым намекая Борису на то, что в военный школе его высекли товарищи, заподозрив в ябедничестве. Логика здесь ясна: чем более унижен конкурент, тем выше чувствует себя Самгин: «Когда окружающие линяют, то это Клим воспринимал как признак своего духовного роста».

Значит, уже с детских лет Клим избирает тактику «самонадувательства» в качестве главного способа приспособления к жизни и самоутверждения в ней. Однако очки и походка – это только самые простые приемы создания о себе высокого мнения. В атмосфере духовных метаний, философских споров бурления политических страстей выше всего ценятся идеи, а личности, генерирующие и д е и, становятся властителями дум, духовными вождями общества. Поэтому-то, вступив во взрослую жизнь, Клим Самгин старается производить впечатление человека, полного идеями и способного рождать идеи.

А «самонадувательство» такого рода требует немалых усилий и изощренности. Если нет собственных идей, их надо заимствовать и выдавать за свои. Чем Клим и стал заниматься. Но, чтоб не быть пойманным за руку, он делал своеобразную контаминацию из чужих фраз и весьма артистически ее подавал:

«*Он умел чужое сказать так осторожно, мимоходом и то же время так небрежно, как будто сказанное им являлось лишь ничтожной частицей его ума*» [1, 43].

Но автор-повествователь здесь как бы между прочим замечает:

«*Клим Самгин легко усваивал чужие мысли, когда они упрощали человека. Упрощающие мысли облегчали необходимость иметь обо всем свое мнение*» [1, 48].

Значит, Клим не способен глубоко вникать в чужие идеи, а вот из упрощенных, спрямленных идей ему легче выстраивать свою логику понимания, объяснения и поведения.

Амбиции Клима весьма значительны. Если в детстве «он видел себя умнее всех в классе», то в зрелые годы он мечтает видеть себя властителем дум – «одним из диктаторов интеллектуальной жизни страны», например, «…*редактором большой газеты, человеком, который изучает, редактирует и корректирует все течения, все изгибы, всю игру мысли, современной ему. К его вескому слову прислушиваются политики всех партий, просветители, озабоченные культурным развитием низших слоев народа, литераторы, запутавшиеся в противоречиях критиков, критики, поверхностно знакомые с философией и плохо знакомые с действительной жизнью*» [1, 123].

Тогда возникает вопрос: *Как же посредственности утвердиться в этом бурном, сотрясаемом социальными катаклизмами мире, вызывать к себе уважение и самого себя уважать, при этом жить, не рискуя, в безопасности?* Самые почитаемые фигуры в такое время – это революционеры. Они окружены ореолом подвижничества и геройства, в них общество видит своих светочей. Значит, для того, чтобы приобрести в этом мире авторитет, надо посвятить себя революции, отдать свой ум и свои силы служению народу.

Самгина справедливо возмущают многочисленные теории, которые «рассматривают личность только как материал истории», он категорически не приемлет культа массы, величаемой народом, пренебрежение «самостью» личности, неповторимостью ее индивидуальности. В суждениях, где Клим полемизирует с пониманием революции по Нечаеву есть немало справедливого:

> «Требует она, чтоб человек покорно признал себя слугою истории, жертвой ее, а не мечтал бы о возможности личной свободы, независимого творчества» [1, 108].

Но в споре с этими крайностями Самгин занимает тоже крайнюю по противоположности позицию – отвергает всякие напоминания о «социальных обязанностях личности». Однако вот парадокс – Самгин не уходит от исторического движения, не порывает с «толпой», не бежит в пустыню, не запирается в башне из слоновой кости. Скорее наоборот – ради того, чтобы выделиться среди человеческой массы, самоутвердиться в этом мире, он избирает позицию рядом с историей.

Он всегда где-то возле подлинных революционеров, борцов, жертвующих собою, идущих в тюрьму и в ссылку. Но не вместе с ними. Он предпочитает располагаться между противоборствующими полосами. Порой это наглядно представлено в пространственных координатах. Например, во время похорон революционера Баумана, Клим Самгин не в рядах провожающих, он смотрит на шествие с тротуара. Когда идут баррикадные бои в Москве, то дом, где живет Самгин, находится между баррикадой и армейскими позициями. Клим занимает позицию не участника, а соглядатая революции.

Человек осторожный и даже робкий, он сам себе признается: «Да, я по натуре не революционер». Ему куда ближе эволюционные теории исторического развития. Он испытывает неприязнь к людям энергичным, беспокойным, деятельным. Втайне он разделяет охранительные рассуждения жандармов. Он даже мечтает о «грозном окрике», которым бы кто-то «очень внушительный, даже – страшный» осадил всех этих вольномыслящих студентов. Но при всем притом Самгин стремится слыть человеком, причастным к революционному делу, и не только причастным, а играющим здесь весьма значительную роль.

И как раз имитируя фигуру революционного деятеля, Клим самым активным образом использует свое искусство «самонадувательства».

Самгин стремится понравиться именно революционерам. Например, ощущая себя «в мыслях Кутузова», как «в чужом платье», он в то же время в разговоре с ним «ворчливо пожаловался», что «революционеров – мало» и «революции мы не скоро дождемся». Чувствуя себя в действительности «каким-то консервативным анархистом или анархистически настроенным консерватором», он на вопрос Сомовой: «Марксист? – отвечает: «Да». Он кокетничает со Спивак и Кутузовым, стараясь преувеличить свою роль в революционных событиях (в разговоре с последним «поймал себя в желании намекнуть, что конспиративные дела не новость для него»).

Климу льстит, когда, придя в редакцию после домашнего обыска, «он вдруг очутился в новой для него атмосфере почтительного и поощряющего сочувствия». Даже в разговоре с парижской

проституткой Клим красуется своей причастностью к революции: «Да, я участвовал в Московском восстании». Он даже едва удержался, чтоб не назвать себя эмигрантом».

Но, выполняя мелкие поручения Кутузова, Спивак, Сомовой и укрепляя тем самым свою репутацию как человека, причастного революции, Клим становится – как он сам себе признается – «революционером поневоле». Это положение тяготит Самгина – он «видел себя рекрутом, который неизбежно должен отбывать воинскую повинность». А главное – это положение чревато большими неприятностями: преследованием со стороны властей, арестами, ссылками, эмиграцией.

Как же вести себя, чтобы, с одной стороны, слыть революционером, а с другой стороны, не попасть в тюрьму, не быть уничтоженным на каторге, не быть изгнанным из своей страны и превратиться в жалкого эмигранта без места и времени? Как это совместить?

И он находит такую позицию. Это позиция тайного осведомителя охранки. Горький очень последовательно раскрывает процесс вхождения Самгина в эту роль, которая в глазах порядочных людей всегда считалось постыдной, и внимательно наблюдает за тем, как Клим осуществляет эту мерзкую работу, стараясь сохранить реноме порядочного человека и уважение к самому себе.

Склонность к осведомительству Самгин обнаруживает довольно рано. Показателен эпизод из гимназической жизни Клима, когда он, видя «медленно ползущую по белой стене тень рогатой головы инспектора», выспрашивает Дронова о том, кто разбил стекло у того в кабинете. То, как ставит вопросы Клим, свидетельствует о том, что у него есть вполне определенные задатки провокатора. (В диалогическом контрасте с этим эпизодом стоит история исключения Бориса Варавки из военной школы: он «отказался выдать товарищей, сделавших какую-то шалость», а учителю, который все-таки сказал, что Борис ябедник, он на уроке воткнул циркуль в живот).

Правда, позицию тайного осведомителя охранки Клим находит не сам, ему опять-таки подсказывают.

При первом вызове в жандармское управление Самгин слышит от ротмистра Попова, который, просматривал изъятые у него бумаги, лестные отзывы: жандарм нашел в записях Клима «зрелые мысли» («о необходимости консерватизма в литературе» и т.п.). Значит, власть предержащим стала очевидна политическая безвредность Самгина, более того, обнаружилась близость идеологических воззрений Клима официозу. На прощанье жандарм дает Климу дружеский совет: «И не бойтесь говорить правду». Что скрывается за этой фразой? Почему эту часть беседы с ротмистром «Клим не любил вспоминать, постарался забыть ее», а вот этот совет помнил? Не потому ли, что фактически ротмистр предложил Самгину сотрудничать с охранкой и подсказал такую конспиративную форму, которая была бы не унизительна для его репутации чуть ли не революционного деятеля – продолжать вести свои записи, а жандармы будут время от времени их почитывать.

Однако, когда при втором аресте уже другой жандарм, менее изощренный «ловец человеческих душ», чем Попов, говорит в лоб: «Я предлагаю вам быть моим осведомителем», Самгин отвечает вполне достойно: «вы меня оскорбляете, – сказал Клим очень спокойно. – В шпионы я не пойду».

Но это внешний слой сознания героя – тот, который оформляется логическим строем речи, да к тому же произносимой вслух, публично. А вот внутри сознания, по привычке анализируя пережитую ситуацию, Клим Иванович обнаруживает, «что не оскорблен предложением быть шпионом». И далее: «Это очень смутило его, и это хотелось забыть». Значит, на уровне подсознания он обнаруживает готовность к сотрудничеству с охранкой. И далее эта готовность реализуется во вполне определенных поступках Самгина. Правда, он находит окольные пути доносительства, когда можно сказать, что доноса не было – просто кто-то третий извлек из его слов или записей какие-то «наводки».

Механизм окольного доносительства автор показывает на двух эпизодах.

Первый эпизод. Клим стал вести свои записи после первой беседы в охранном отделении: «Самгин записывал свои мысли и впечатления мелким, но *четким почерком* на листы синеватой *почтовой* бумаги и складывал их в портфель (…) Писал он немного, *тщательно обдумывал фразы и подчинял их одному дальновидному соображению – он не забывал, что заметки его однажды сослужили ему неплохую службу»* [1, 224].

Второй эпизод. Самгин случайно узнал, что Никонова, его очередная возлюбленная, служит тайным агентом охранки. И зная об этом, он вроде бы к слову рассказывает ей о Степане Кутузове, о

его революционных воззрениях. Психологическое состояние Клима, совершающего косвенный донос, очень показательно: «Так он вертелся вокруг самого себя, заботясь уже не столько о том, чтобы найти для себя устойчивое место в жизни, как о том, чтоб *подчиняться ее воле с наименьшим насилием над собой»* [1, 302].

Иначе говоря, вроде бы «проходной» разговор с Никоновой с упоминанием о Кутузове на самом деле значил для Самгина еще одну уступку обстоятельствам. Человек, который в своем дневнике гордо записывал: «Двух станов не боец. Я не имею желания быть даже и случайным гостем ни одного из них», – в действительности уже перешел в один из станов – в тот, который обладал властью и силой.

Но внешне Клим Самгин остается респектабельным интеллектуалом, производящим впечатление передового мыслителя. «Самгин, мы слышали про вас: личность загадочная», – говорит незнакомая экзальтированная девушка. Но и самые близкие люди дают ему самые высокие оценки. Варвара, с которой Самгин немало лет живет в браке, восторженно восклицает: «Ты большой человек, необыкновенный». Иван Дронов, который знает Клима с самого детства, аттестует его как «одного из таких, которые имеют несчастье быть умнее своего времени». Более того, многие полагают, что он один из лидеров революционного движения. Ютов, например, говорит: «Ты – молчальник. И ты не пехота, не кавалерия, а инженерное войско». Даже Дмитрий, родной брат Клима, профессиональный революционер, прошедший через тюрьмы и ссылки, и тот напоследок признается: «А я, знаешь, привык думать о тебе как о партийце. И когда, в пятом году, ты сказал мне, что не большевик, я решил: конспирируешь…» [1, 323].

Значит, Самгин весьма умелый имитатор, раз даже самые близкие люди не распознают второго «слоя» его личности. Значит, тактика «самонадувательства» себя вообще-то оправдывает, коль скоро при ее посредстве можно приобрести авторитет среди передовой части общества, прослыть крупным мыслителем и даже законспирированным лидером революции.

В образе Клима Самгина Горький открыл совершенно новую, очень специфическую фигуру мещанина, формирующуюся в эпоху революционных потрясений. Посредственности, которая стремится получить общественное признание, даже занять в нем положение духовного лидера, но при этом оберечь себя от политического риска и всяких иных потрясений. Обывателя, который ради самоутверждения имитирует революционность, а ради самосохранения вступает в тайный сговор с охранкой. Этот тип личности стал зловещим, опаснейшим социально-психологическим феноменом XX века.

Писатель обнаруживает распространенность этого типа людей, которых устами Кутузова назвал «бунтарями из страха перед революцией». Не случайно, пропустив сквозь свое сознание сотни людей, Самгин обнаруживает, *«что раздраженные речи, сердитые споры людей изобличают почти в каждом из них такое же кипение тревоги, такой же страшок перед завтрашним днем, такие же намерения развернуть свои силы и отсутствие уверенности в них (…) Иногда ему казалось, что (таких же, каков он, Самгин) излишне много…»* [1, 183].

Стратегия социального поведения этих людей та же, что и у Клима. Во-первых, «самонадувательство», подстраивание под передовые веяния времени, стремление приобрести репутацию властителя дум («Многие притворяются», констатирует Митрофанов, а он, штатный агент уголовного розыска, знает, что говорит). И во-вторых, тайное услужение презираемому ими режиму ради своего самосохранения. Персонажи, которые так или иначе связаны с охранкой, будут постоянно присутствовать в поле романа. Какой-то сын почтового чиновника, которого Тагильский застукал в тот момент, когда тот рылся в его бумагах, к тому же этот молодой человек признается, что и Поля, горничная Тагильских, тоже «служит». А словно бы случайно услышанная Климом фраза из беглого разговора: «Провокатор в центре партии» – заставляет читателя вспомнить нашумевшее разоблачение Азефа, который в течение многих лет умело совмещал деятельность в качестве руководителя боевого крыла партии эсеров с тайной службой в Третьем отделении.

Таким образом, Самгин не исключение, он один из многих, их тех, кто составляет массу интеллектуального мещанства. Это огромная, многочисленная социальная «страта», а Клим, как он сам чувствует, «является наиболее законченным и заметным среди них». Феномен Клима Самгина есть концентрированное воплощение определенного типа сознания и тактики социального поведения, которое получило нарицательное именование «самгинщина».

Но так ли уж неуязвима стратегия «самонадувательства» – действительно ли она не имеет зазоров, позволяющих разглядеть под видимым слоем внутреннюю сущность Самгиных? А какова духовная плата за «двойное» существование? И, наконец, уберегает ли Самгина выработанная им философия существования и избранная тактика поведения от напора времени, от растворения в потоке?

Рассматривая этот блок вопросов, начнем с выяснения: как сам Горький вскрывает подлинную духовную сущность своего героя? В романе практически все повествование ведется с точки зрения героя. Это парадоксальный дискурс – мир глазами героя, антипатичного автору. Для того, чтобы проникнуть в духовную сущность такого героя, Горький использует *комментарии безличного повествователя* к поведению и мыслям. (Например: «Не отличаясь успехами в науках, он подкупал учителей благовоспитанностью и благонравием». Казенные слова «благовоспитанность и благонравие», избранные в качестве характеристики поведения совсем еще мальчика, несут на себе оттенок иронии»).

Более сложный характер носят *оценки, принадлежащие другим персонажам.* Дело в том, что, наряду с восторженными откликами людей, поддавшихся магии «самонадувательства» Самгина, порой о нем высказываются проницательные суждения. Это могут быть случайные «попадания», вроде язвительной догадки Инокова («Из осторожности не учились?.. Чтобы не попасть в историю» или выкрика студента: «Коллеги! Среди нас – агент охраны!» Это могут быть комплименты Климу со стороны жандармов («зрелые мысли», «вы, человек, рассуждающий наедине с собой здраво и солидно» и филера Митрофанова («Благоразумие ваше мне известно…»). Такие оценки в эстетическом поле романа приобретают характер минус-похвалы. Наконец, это суждения женщин, с которыми Клим был особенно близок: Лиза Варавка скажет: «Ты – скользкий», а Никонова, которую разоблачили как тайного осведомителя, в прощальном письме к Климу напишет: «Думаю, что ты тоже… такой же. Если только можешь, брось все это».

Далее – *посредством конфузных ситуаций.* К ним относятся случаи, когда Клим почему-то утрачивает контроль над собой. Впервые это произошло на ужине у Помировых, когда Клим, подвыпив, стал произносить «слишком задорным тоном» избитые слова о народе, вождях и эволюции. «Тебя считали серьезно думающим человеком, а ты вдруг такое, детское», – упрекает его на следующий день брат.

Но такие ситуации, когда Самгин нечаянно проговаривает свое, истинное, бывают очень редки. Чаще конфузные ситуации возникают, когда Клима уличают в том, что он как раз говорит не свое, заемное. Например, когда Клим сказал, что «люди сердятся и по-летнему, и по-зимнему», Лиза Варавка «возмутилась: «Это я сказала! Я первая, а не он». Клим сконфузился и покраснел». А поскольку Самгин все время держит себя под контролем, он иногда сам то ловит в своих словах «эхо мыслей Макарова», то обнаруживает в своих статьях фразы, подслушанные у Инокова. Наконец, конфузом для Клима становятся ситуации подобные той, когда он надеется сказать женщине «нечто такое, что поразило бы ее своей силой, оригинальностью (…) Это, конечно, было необходимо, *но не удавалось*».

Также Горький использует в романе способ, названный исследователями «*зеркальностью*». Так, М.Г. Петрова впервые отметила, что нередко «Горький обычно рисует портрет своего героя отряженным в зеркале, в котором Клим внимательно рассматривает себя», причем, как правило, «зеркало появляется перед Самгиным в решающий момент, когда для него особенно важно быть ярким и значительным» [5, 84]. В сущности, такие саморазглядывания Самгина тоже приобретают характер конфузных ситуаций, ибо зеркальное отражение обнажает явное несоответствие героя своим амбициям. (Например, в сцене с Мариной Зотовой после радения: «Самгин … увидел в зеркале рядом с белым стройным телом женщины человека в сереньком костюме, в очках, с острой бородкой, с выражением испуга на вытянутом желтом лице – с открытым ртом»).

Но зеркальность в романе Горького имеет не столько буквальное значение, сколько как определенный *принцип соотнесения главного героя с другими персонажами.*

Поскольку Клим живет отраженным светом чужих идей, то иногда люди, с которыми он сходится, видят в нем своего рода «оселок» на котором они выверяют свои мысли, чувства, порывы. Так, Лида в своем прощальном письме признается ему, оставленному любовнику: «Ты был зеркалом, в котором я видела мои слова и мысли». А поскольку Клим эгоцентрик, то он использует очарованных его «самонадувательством» людей как зеркало, в котором он может покрасоваться,

отшлифовать позу и жест, проверить эффектность своих речей. Такую роль он отвел полюбившей его Варваре – «сделал ее зеркалом своим, приемником своих мыслей». Затем на ее место помещает Никонову («И, размышляя перед Никоновой как перед зеркалом или над чистым листом бумаги, он говорил…»). «Он жил среди людей, как между зеркал», – констатирует повествователь.

Наиболее обстоятельно «зеркальная система» рассмотрена в работах горьковеда А.И. Овчаренко. Обозрев все виды зеркальности, ученый вскрывает их семантику. Вкратце изложим их:

«Зеркальная» система образов позволяет Горькому изнутри показать сокровенную сущность Самгина. В частности, «зеркальными» по отношению к Климу являются Никонова, Дронов, Безбедов. Это «двойники» Клима. Каждый из них показывает более ясными те потенциальные возможности, которые в Климе заключены: предательство, провокаторство, нравственная и философская всеядность.

«Зеркальность» позволяет Горькому показать самгинские черты отраженными в других персонажах либо в заостренном, либо в сниженном виде. Тем самым зеркала как бы оскорбляют, разоблачают Клима.

«Зеркальность», обнажая самгинские черты в близких герою людях, позволяет глубже типизировать этот характер.

Прием «зеркальности» позволяет опровергнуть стремление Клима к неповторимости. На проверку оказывается, что Клим вовсе не оригинален. Такие, как он, есть, и их немало.

Наконец, «зеркальность» – это способ раскрытия тотальной расщепленности сознания Клима Самгина. Заставляя Самгина встречаться через определенные отрезки времени с одними и теми же носителями родственных черт, писатель тем самым дает возможность читателю физически ощутить процесс «обесцвечивания», «выветривания души» Самгина [6, 102].

Самгин непрестанно ведет самоконтроль. Выверяя каждый свой жест, каждое свое слово, он нередко фиксирует то, что невольно открывает его сокровенную сущность. Например, в одном случае он поймает себя на невольно выказанной трусости: «*Слишком быстро сказал*» (Невольно выдал свою трусость). В другом – на неспособности сказать в нужный момент нужные слова. В конечном итоге Самгин с безысходностью констатирует: «В сущности, я бездарен».

Уже на ранней фазе своего духовного развития Клим испытывает к тем, кто умнее его, зависть, доходящую до ненависти, и при случае пытается унизить соперника, «снять позолоту». Вступив на путь «самонадувательства», Самгин поставил себя в очень тяжелое положение: строгий самоконтроль каждого своего слова и жеста – все это изнуряет психику, одряхляет душу, в конечном итоге, убивает жизненные порывы и стремления. Не случайно Самгин, которому еще не минуло сорок лет, проникнут чувством опустошенности: «Опыт тяготил, он истлевал бесплодно, и несмотря на то, что жизнь была обильна событиями, – Самгину жилось скучно. Все знакомо, все надоело».

Более того, «самонадувательство», постоянное расчленение своего существования на внешнее, демонстративное проявление и на внутреннее птаенное сознание, «зеркальность» как универсальный принцип социаьного поведения – все это закономерно приводит к тому, что на языке психиатрии называется раздвоением личности.

Метафора раздвоения личности реализуется в эпизоде, который мы назвали «Больной сон Самгина» (ч. III – период связи Клима с Дуняшей).

Клим Иванович заболевает, и это становится психологической мотивировкой того, почему «ночной парад воспоминаний превратился в тяжелый кошмар». Тогда-то перед его внутренним взором появляется еще один Самгин. Это в общем-то достаточно известный в литературе способ наглядного воплощения психологического феномена раздвоения личности (Достаточно вспомнить сцену безумия Ивана Карамазова). Но Горький усугубляет этот сюжет тем, что во сне Самгина ни у него самого, ни у его двойника нет тени. А со времен знаменитой повести Шамиссо о Петере Шлемиле мотив человека без тени всегда означал утрату человеком самого себя, своей идентичности, размывание его собственного «я». А мы помним, как много усилий прилагал самгин, чтобы выпятить свою «самость».

И еще одно уссилениее мотива делает Горький: когда Самгин «швырнул прочь, на землю» своего двойника, тот «разбивался на куски». И вот уже «вокруг Самгина размножились десятки фигур, *совершенно подобных ему*», они «невесомы, проницаемы, как тени», но «их становилось все больше», и они «страшно теснили», «толкали сбивая с дороги», «гнали по пространству, лишенному теней, к дымчатому небу вперед». Значит, Самгин, который мнит себя «человеком высокой

ценности», на самом деле вовсе не уникален, хуже того – он вполне тиражируемый человеческий экземпляр, ничем не особенный.

Значимость мотива человека без тени подтверждается тем, что в заключительном эпизоде третьей части (после радений у Марины Зотовой) он вновь выступает наружу как своего рода итог большого цикла в жизни героя, цикла, который завершился его душевным крахом и опустошенностью: «Самгин, устало шагая, *глядел на свою тень, – она скользила, дергалась по разбитой мягкой дороге,* как бы стремясь зарыться в пыль, и легко превратилась в мягкую фигурку человека, подавленного изумлением и жалкого (…) И, со стороны глядя, смешон, должно быть, человек, который шагает одиноко по безлюдной окраине, – шагает, сунув руки в карманы, *наблюдая судороги своей тени,* маленький, плоский, серый, – в очках».

Человек, ставший тенью, утративший телесную плоть («плоский»), бесцветный («серый» – это едва ли не единственная краска, которая фиксируется во внешнем облике Самгина) – таков результат духовной эволюции посредственности, которая сосредоточила все свои силы на самовозвеличивании. Это итог внутреннего, психологического сюжета романа.

Другой доминантой характера Самгина, движителем его воли, было стремление отделиться от хода истории, занять позицию вненаходимости по отношению к общественным процессам. Непосредственным выражением этой внутренней установки Клима было отношение к разным видам массовых сборищ. Повествователь не без сарказма сообщает: «В годы своего студенчества он мудро и удачно избегал участия в уличных демонстрациях». А перед итоговыми эпизодами опять-таки повествователь резюмирует: «Скептическое и даже враждебное отношение к человеческим массам у него сложилось давно». Следует отметить, что в подавляющем большинстве массовых сцен в романе народная масса предстает как толпа, стихийная, иррациональная, разрушительная. В ней отдельный человек растворяется, теряет себя, нивелируется. Уже в первой массовой сцене (гулянье на Ходынке, обернувшееся жуткой давкой с большим количеством жертв) появляется гротескный образ: *«Спрессованная икряная масса людей».* Спустя десять лет после Ходынки, в дни событий 1905 года, Клим, глядя на картину Рошгросса «Погоня за счастьем» с опаской думает: «Унизительно и страшно катиться *темненькой, безличной икринкой* по общей для всех дороге к неустранимой гибели. Он еще не бежит с толпою, он в стороне от нее, но вот ему уже кажется, что люди всасывают его в свою гущу и влекут за собой».

Но что мы видим в финале эпического сюжета романа? Февральская революция. Толпа у Таврического дворца. «Лицо толпы» вызывает у Самгина ассоциации с гротескными образами Иеронима Босха, масками Леонардо да Винчи, страшными рожами мудрецов вокруг Христа на картине Дюрера. Но когда люди «хлынули во дворец», – «озябший Самгин *отдал себя во власть толпы*». И далее он уже сам подстраивается под общее движение: «Клим Иванович Самгин поставил себя в *непрерывный поток людей*, втекавших в двери, и быстро поплыл вместе с ним внутрь дворца…».

В горьковедении сложилось мнение, что роман «Жизнь Клима Самгина» не завершен. Действительно, в черновиках Горького находят 10-12 вариантов финала, самый последний по времени написания вариант – смерть Клима под ногами толпы, встречающей Ленина у Финляндского вокзала. Но подобные финалы представляют собой завершение фабулы – физической жизни главного героя. На наш взгляд, сюжетно роман вполне завершен. Именно сценами у Таврического дворца. Потому что в этих сценах показан окончательный духовный крах Клима Самгина – человек, истративший колоссальные усилия на то, чтобы сберечь свою «самость», пошедший на все тяжкие ради того, чтобы встать над толпой, в конечном итоге становится той самой «безличной икринкой», что плывет вместе с толпой, покоряясь ее стихийной разрушительной инерции.

Какой же еще более очевидный финал нужен? Фраза-рефрен «Да – был ли мальчик-то, может, мальчика-то и не было?» обрела жуткий буквальный смысл…

Горький писал Ромену Роллану: «Роману придаю значение итога всему, что мною сделано». «Жизнь Клима Самгина» не оставляет сомнения, что «итоги» – это не ответы на вопросы, а новые вопросы. Как человеку остаться человеком на сломе эпох, когда рушатся вековые ценности и кажется, что рушится мир? Как человеку сохранить свою индивидуальность, когда он все более вовлекается в коллективные действия и процессы? Как сохранить свое «Я», не став при этом эгоцентриком и индивидуалистом, как Клим Самгин? Как достойно исполнить свое предназначение, не впав ни в отчаяние, ни в гордыню? Как в поисках истины не стать жертвой «тирании идей», не

дать своим убеждениям переродиться в фанатическую веру, непримиримую ко всякого рода инакомыслия?

Горький не дает единственного, исчерпывающего, на все времена годного ответа. Но жизнью Клима Самгина он предостерегает от того пути, который стал соблазном XX века – пути «самонадувательства», игре на революционной фразе и жесте, двуликом балансировании между позой передового деятеля и тайным услужением угнетающей власти.

Все это служит подтверждением правоты тех исследователей, которые считают, что роман «Жизнь Клима Самгина» еще ждет своих исследователей [7, с. 95]. Оправдывается горьковское пророчество: «Быть может, сразу моя вещь не будет понята, но когда-нибудь оценят» [8, 12].

Список литературы

1 Примечания к «Жизни Клима Самгина»: К творческой истории произведения (Горький М. Собр. соч.: В 25 т. Т. 25. – Москва, Гослитиздат, 1949.)
2 Из письма А.К. Воронскому от 23 марта 1926 г. //Цит. По: Горький М. Собр.соч.: В 30 т. Т.30.- Москва: Просвещение, 1962.
3 Ходасевич В. Воспоминания о Горьком. М., 1989.
4 Сухих С.И. Заблуждение и прозрение Максима Горького. Н.-Новгород, 1992.
5 Петрова М.Г. Приемы образной характеристики в романе «Жизнь Клима Самгина» // О художественном мастерстве М.Горького. (ИМЛИ). М., 1960. С. 279-280.
6 Овчаренко А.И. Горький и литературные искания XX столетия. // Овчаренко А.И. Избр. произведения в 2 т. Изд. 4-е. Т. 1. М., 1986. С. 278-281.
7 Хрия как тип риторического рассуждения (на материале «Оды на прибытие Петра Федоровича» 1742 г. М.В. Ломоносова). – Вестник Казахского государственного женского педагогического университета. – Серия филологическая. №5 (41), 2012. – С. 95-101
8 Костиков В. Иллюзион счастья //Огонек. 1990. №1.

КЛИМ САМГИН – РЕВОЛЮЦИЯЛЫҚ СІЛКІНІСТЕР ДӘУІРІ ӨМІРГЕ ӘКЕЛГЕН ҚАТЕРЛІ ӘЛЕУМЕТТІК-ПСИХОЛОГИЯЛЫҚ БЕЙНЕ

Ғ.А. Орынханова

[1]ф. ғ. к., қауымд. проф. м.а.

Қазақ мемлекеттік қыздар педагогика университеті,

Қазақстан, Алматы, email: gibadat_o@mail.ru

Мақалада «Жизнь Клима Самгина» романының түпкі ойы қарастырылады. Сонымен қатар автор Клим Самгин Тарихқа қалай бейімделді деген сұраққа жауап табуды көздейді. М. Горький шығармасының өмірді қамтуы, келелі мәселені қозғауы сөз болады. Сондай-ақ бас кейіпкердің ішкі жан дүниесін бейнелеуі зерттеледі. Автор сондай-ақ М. Горькийдің көркем мәдениетке қосқан үлесін

Түйін сөздер: *бейне, сипат, тартыс, түпкі ой, адам, жеке тұлға*

KLIM SAMGIN – A SINISTER SOCIO-PSYCHOLOGICAL TYPE THAT IS BORN OF A ERA OF REVOLUTIONARY UPHEAVAL

G. A. Orynkhanova

Cand. Sci. (Philology), acting assoc. professor

Kazakh State Women's Teacher Training University,

Almaty, Kazakhstan, email: gibadat_o@mail.ru

The article discusses the idea of the novel "life of Klim Samgin". The author tries to find the answer to the question: how does Klim Samgin adapt to History? Mirroring is also considered as a principle of constructing the image of the hero and as a strategy of his behavior. The author also seeks to stress the contribution of M. Gorky in art and culture.

Key words: *image, character, conflict, idea, person, personality*